

© 2004 г.

Т.А. РАССАДИНА

**НРАВСТВЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ЖИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ
ПРОВИНЦИИ**

*РАССАДИНА Татьяна Анатольевна – кандидат социологических наук,
доцент кафедры культурологии Ульяновского государственного университета.*

Обоснование темы и методика исследования.

Нравственная ориентация как вид ценностных ориентаций – духовное образование, социально–психологический феномен, являющийся результатом отражения в сознании человека общественных воздействий, их индивидуальной интерпретации, точки зрения морали как формы общественного сознания и способа духовно–практического освоения действительности. Этот результат интернализации личностью нравственных ценностей, выражает ее отношение к другому человеку, к себе, к социальным и межличностным отношениям, к окружающим объектам, выступающим в виде превращенных общественных отношений. Нравственная ориентация носит максимально обобщенный и достаточно устойчивый характер, оказывает влияние на все формы проявления сознания, протраивание собственного образа, включает особенности социальной установки в виде предрасположенности к определенной направленности деятельности, содержит в себе момент выбора поведения, стимулирует глубокие эмоциональные переживания человека. Такие переживания и рефлексивная деятельность социальных субъектов не могли не обнаружить вестернизации общественного сознания в постперестроечное время, снижения регулятивных возможностей нравственных ценностей, прежде всего, традиционных, в которых аккумулированы в виде образцов, норм, принципов

представления о достойном, лучшем, авторитетном в культуре многих поколений россиян.

Динамика изменений традиционных нравственных ценностей, как показывают мониторинговые исследования ряда авторов [1;2;3;4;5;6], шла в России в 1990–е г. весьма непросто. До 1995 г. базовые ценности инерционно сохранялись в нравственных ориентациях россиян, несмотря на острейшие материальные проблемы, крушение многих прежних идеалов. Разработки материалов социологических служб как общероссийских, так и региональных, дают основания полагать, что в 1995–1996 гг. Россия прошла одну из нижних точек кризиса, что сопровождалось активным размыванием традиционных для России ценностей: выстраивалась система ценностей материального, прагматического характера с одновременным интенсивным вытеснением духовно–нравственных ценностей российского менталитета. Трансформационная деятельность социальных субъектов в условиях кардинальных перемен и переоценки ценностей была направлена не столько на освоение и принятие ценностей и норм, сколько на поиск новых способов действий, соответствующих меняющимся условиям, нормам и правилам; медленно, но неуклонно способствовала социальной адаптации основной массы населения страны.

После дефолта 1998 г., познания тотального ощущения безнравственности жизни постперестроечных лет стала восстанавливаться *защитная тенденция* упрочения в общественном сознании ценностей, в которых значительные «преференции» получают традиционные нравственные ориентиры. В последние годы эти процессы происходили на фоне некоторой стабилизации политико–экономической ситуации в России.

Аналогичные тенденции, но с несколько большей инерционностью, наблюдались в Ульяновской области – регионе типичном для России.

Исследованию трансформации нравственных ориентаций жителей современной российской провинции в аспектах отношения к человеку и

коллективу посвящена данная статья, в которой представлены результаты, полученные в ходе социологических исследований под руководством автора:

1. Опрос населения г. Ульяновска: полевой этап – март–апрель 1999 г.; выборочная совокупность 2000 человек, выборка репрезентативная, квотная (квотируемые признаки – район, пол, возраст); вид опроса – анкетный, индивидуальный. Опрошено 47,9% мужчин, 52,1% женщин; по возрастным группам: 18–25 лет – 15,8%; 26–35 лет – 23,8%; 36–45 лет – 23,1%; 46–55 – 14,3%; 56 и более – 23,0%. Исследование проведено при поддержке мэрии г.Ульяновска на базе Средневолжского научного центра УлГУ.

2. Опрос населения г. Ульяновска: полевой этап – октябрь 1999 г.; выборочная совокупность 500 респондентов; выборка репрезентативная, квотная (квотируемые признаки – район, пол, возраст); вид опроса – формализованное интервью. Исследование проведено на базе Средневолжского научного центра УлГУ.

3. Межрегиональное социологическое исследование в Ульяновской и Самарской областях (проходило в г. Ульяновске, Ульяновском и Чердаклинском районах Ульяновской области; г. Самаре, Сызранском и Челновершинском районах Самарской области). Полевой этап – май–июнь 2001 г.; выборочная совокупность 1200 респондентов; выборка многоступенчатая, квотная; квотируемые признаки – место жительства (регион, областной город, районный центр, село), пол, возраст; метод сбора информации – формализованное интервью. Опрошено 48% мужчин, 52% женщин; по возрастным группам: 18–25 лет – 15,0%; 26–35 лет – 16,7%; 36–45 лет – 21,2%; 46–55 – 17,8%; 56 и более лет – 29,3%. Исследование проведено на базе Средневолжского научного центра УлГУ при поддержке РГНФ¹.

4. Трендовое социологическое исследование по сходной выборке, и инструментарию в Ульяновской области (пролонгация исследования 2001 г.):

¹ Проект № 01–000078 за 2001 г.

полевой этап – июнь 2003 г.; выборочная совокупность 600 человек; выборка квотная; котируемые признаки – место жительства (областной город, районный центр, село), пол, возраст; метод сбора информации – формализованное интервью. Исследование проведено на базе государственного научного учреждения “Центр политологии и духовной культуры” при Администрации Ульяновской области.

Доверительная вероятность выводов (P) равна 95%, точность оценивания (Δ) 5 %.

Некоторые тенденции изменения отношения к человеку

Отношение к человеку как нравственной ценности является ключевым для морального сознания. Через него происходит отнесение к ценности всех вещей, видов, целей, средств деятельности. В русской национальной культуре оно квалифицируется как одухотворенное, в котором ценность человека, его душевное самочувствие являются превыше всех земных благ, сила которого в сострадании, понимании, совестливости, душевности, открытости, умении сопереживать, миролюбии, ответственности за себя и других.

Наши исследования середины 1990–х г. показывали расширение сферы бездуховного, в нравственных ориентациях респондентов ярко просвечивали индивидуализм, черствость, закрытость. На рост бездуховности указывали многие исследователи [7; 8].

За последние годы повысились морально–психологическая зрелость россиян, интерес к психологии человека, к межличностным отношениям, наблюдается вполне осознанное отношение к общественным ценностям. Человек стал более самодетерминированным, самостоятельным, независимым, с сильной активной личностной позицией, стремлением строить свою жизнь, карьеру, создавать комфортные условия, во многом готов к соперничеству, к конкурентной борьбе. Динамика распространения ценностей современного общества – свободы,

независимости, инициативности констатируется и в пролонгированных исследованиях, выполненных под руководством Н.И. Лапина [2]. К числу неpreferred (уходящих) качеств сегодня относятся кротость, смиренность, самопожертвование. Они не только не дают возможность успешно адаптироваться к условиям, но и самовыразиться, развиваться.

Межрегиональное исследование, проведенное в 2001 г. в Ульяновской и Самарской областях, продемонстрировало непростую конфигурацию нравственных отношений к *человеку*. Самые большие и существенные отличия наблюдались в областных центрах. Известно, что Самара, в отличие от Ульяновска, является одним из наиболее успешно модернизирующихся в политическом и экономическом отношении российских городов, уровень жизни населения в котором уступает лишь столице. Региональная политико-экономическая ситуация отражается в общественном сознании, формируя оценки, ожидания, отношения респондентов.

Представим оценку направленности и интенсивности динамики ценностных ориентаций по основаниям традиционных современных нравственных ценностей, которая выполнена по методике Ч. Осгуда. Семантический дифференциал позволяет измерить поведенческие составляющие ориентаций по восприятию, оценкам других. Предложенная оценочная шкала имеет континуум от -4 до $+4$; направленность представлена от традиционных нравственных ориентиров (отрицательная часть континуума) в сторону их альтернатив (положительная часть). Для оценки предложено 27 пар альтернатив.

Как показало исследование, жители провинции проявляют высокую самостоятельность, независимость (средние арифметические по i -ой шкале составили $+1,1$ – Ульяновск; $+2,0$ – Самара); во многом полагаются на свои силы ($+1,6$ в обоих городах), имеют активную личностную позицию ($+0,9$ – Ульяновск; $+1,5$ – Самара), стремятся к комфорту (соответственно $+1,4$; $+2,0$). Высока

степень рационального расчета (+1,4 – Ульяновск; +2,0 – Самара), хитрости (соответственно +0,3; +2,0), соперничества (+0,1; +0,9).

Однако жесткие социальные условия и компенсирующее их распространение гуманистических подходов в разных сферах жизнедеятельности влияют на понимание ценности человека не только как разумного, активного, но и гуманного. К духу применима категория силы, но в этот мир может вторгаться иное начало – дух свободы, человечности, милосердия. Мнения респондентов демонстрируют выраженность этой другой стороны силы духа. В человеке, по данным опроса, есть определенный перевес истинно нравственных качеств: жалости, сочувствия над черствостью и безжалостностью (средние арифметические по i-ой шкале составили –0,2 – Ульяновск, –0,8 – Самара); откровенности, открытости над замкнутостью, закрытостью (соответственно –0,1; –0,4), миролюбия над агрессивностью (соответственно –0,6; –0,9), явный перевес честности (соответственно –0,4; –2,0), совестливости (–0,7; –2,0), взаимовыручки (–0,8; –2,4) над альтернативными качествами. Сохранилась вечная российская терпеливость (–0,7 – Ульяновск; –0,9 – Самара). Во многом сохраняется «всечеловечность» россиян (Ф.М. Достоевский) – способность легко уживаться с другими людьми (–1,2; –1,7 соответственно), их идеями, системами, ценностями. Преобладание этих, исключительно духовных качеств, очевидно.

В целом установки жителей столиц двух поволжских регионов имеют заметные отличия, что проявляется в их поведении, деятельности, отмечается в восприятии респондентов. Самарцы демонстрируют по сравнению с жителями Ульяновска больше рациональности, соперничества, хитрости, эффективности, сильной личностной позиции. Вместе с тем, как показывает измерение, у жителей урбанизированной Самары по сравнению с ульяновцами сильнее выражены такие нравственные черты как: сострадание к другим, миролюбие, умение прощать, совестливость, щедрость, гостеприимство, уважение к старшим, одновременно

дисциплинированность, честность, чувство собственного достоинства, умение трудиться.

Примечательно, что предположения об ориентации жителей российских мегаполисов (каким является Самара) в большей степени на западные ценности, существенное вытеснение из сознания исконных, традиционных нравственных ориентиров упрощены. У самарцев при слабой интенсивности сохраняется вектор направленности ориентаций на традиционные нравственные ценности ($W = -0,02$), у ульяновцев – также при слабой интенсивности на альтернативные традиционным ценностям ($W = +0,03$). Заметим, общая направленность и интенсивность измеренной установки W изменяет величину в интервале от -1 до $+1$.

В известной мере выстроенная система нравственных ориентаций респондентов – способ адаптации к условиям, последняя в эти годы во многом определялась материальным положением и защищенностью граждан.

Несмотря на то, что в 2003 г. только 16,4% опрошенных жителей Ульяновской области говорят о положительных изменениях в регионе, называя круг проблем, структура которых за последние годы практически не меняется. Уровень жизни в регионе остается одним из самых низких в стране. Среднемесячный доход на душу населения в 2003 г. составил 2536,4 рубля. Тем не менее, наблюдается позитивная динамика самооценок респондентов материального положения своей семьи за последние четыре года. Так, число опрошенных жителей г. Ульяновска, утверждающих, что живут неплохо увеличилось с 1999 по 2003 г. с 28,1 до 60,0%; живущих с трудом сократилось соответственно с 53,7 до 25,1%. Материальное положение в эти годы стало и основой положительного эмоционального самочувствия населения, которое также имеет тенденцию улучшения. На этом фоне происходит дальнейшая позитивная динамика нравственных отношений.

Пролонгированное исследование, проведенное в 2003 г. в Ульяновской области, показало эти изменения. В г. Ульяновске при сохранении направленности ориентаций на альтернативные традиционным нравственным ценностям снизилась их интенсивность (в 2001 г. $W = +0,03$; в 2003 г. $W = +0,02$). В райцентре движение нравственных ориентаций происходит в сторону альтернативную традиционным ценностям (в 2001 г. $W = -0,1$; в 2003 г. $W = +0,02$). Жители села в целом сохраняют направленность установок на традиционные нравственные ценности, однако интенсивность их снижается (в 2001 г. $W = -0,2$; в 2003 г. $W = -0,04$).

Примечательно, что личностные качества, преимущественно связанные с общением, отношением к другим (например, сочувствие, жалость – черствость, безжалостность; терпимость, терпеливость – нетерпимость, нетерпеливость; открытость, откровенность – закрытость, замкнутость; уживчивость с людьми – неуживчивость; умение прощать – неумение прощать и т.п.) имеют направленность на традиционные нравственные ориентиры: в 2001 г. общая оценка интенсивности и направленности установки $W = -0,3$ (г. Ульяновск), $-0,6$ (райцентр), $-0,7$ (село); в 2003 г. по каждой группе респондентов направленность на традиционные нравственные ценности остается, однако интенсивность установок снижается ($W = -0,1$). Личностные качества, преимущественно связанные с обеспечением *деятельности* (как-то: безразличие к своей карьере – стремление строить свою карьеру; нерациональность, нерасчетливость – рациональность, расчетливость; смиренность, кротость – сильная активная позиция личности, подчиненность, ведомость – самостоятельность, независимость и т.п.), имеют оппозиционную направленность (при снижении интенсивности установки у жителей райцентра и села), способствуют реализации достижительной мотивации поведения современного человека: в 2001 г. $W = +0,1$ (г. Ульяновск), $+0,2$ (райцентр, село); в 2003 г. $W = +0,1$ (г. Ульяновск, райцентр), $+0,08$ (село).

В условиях жесткой прагматичности, рациональности, вероятно такое сочетание отношений к человеку и к деятельности создает между этими сферами в общественном сознании эмпирический компромисс, стремление к своего рода совместимости, моральному равновесию, толерантности. Этот вариант неустойчивого равновесия в конкретный временной промежуток у данной социальной общности может быть интерпретирован как некоторое снижение личностью нравственных требований к себе в контексте человеческих отношений, с другой стороны, возможно не объективное снижение интенсивности выраженности качеств, обеспечивающих успешность деятельности, а их соответствующее субъективное восприятие людьми, обусловленное привыканием к такого рода проявлениям.

Вместе с тем, по-прежнему, под влиянием социальных условий нередко разрушаются субъектность человека, чувство собственного достоинства, личностные основания, которые бы могли формировать активную конструктивную человеческую сопротивляемость негативным воздействиям. Чувство собственного достоинства, заметно выросшее за десять–двенадцать постперестроечных лет (по данным региональных исследований в 1991 г., это качество замыкало список двадцати ранжируемых ценностей; в 1999 г. переместилось в первую десятку ценностных предпочтений), находится в постоянном изменении. За последние два года, как показывает шкала Осгуда, оно остается выраженным, но наблюдается движение в сторону снижения альтернатив: отсутствие чувства собственного достоинства – чувство собственного достоинства; в 2001 г. $W = +0,5$ (г. Ульяновск), $+ 1,0$ (райцентр, село); в 2003 г. $W = +0,4$ (г. Ульяновск, райцентр), $+0,2$ (село). Этому чувству непросто противостоять финансово-экономическим трудностям. С помощью ряда проективных вопросов было предложено респондентам высказать свое отношение к суждениям, сформулированным в виде народных пословиц, поговорок. Опираясь на народную мудрость, “Что наша честь, если нечего есть” 41,5%

ульяновских респондентов в 2001 г., 52,4% в 2003 г. выразили отношение к своему материальному положению; 60,1% в 2001, 74,6% в 2003 г. утверждают: “Своя рубашка ближе к телу”.

Пользуясь некоторыми методическими приемами Н.И. Лапина [2] и других, попытаемся выстроить иерархию сегодняшних нравственных ценностей, полученных в исследованиях.

1. *Доминирующие* (называют свыше 60% респондентов): уживчивость с людьми; умение прощать; гостеприимство; уважение, почитание старших; совестливость; щедрость; взаимовыручка.

2. *Структурный резерв* (названы 45–60% респондентов): жалость, сочувствие; терпимость, терпеливость; открытость, откровенность; стыдливость; коллективизм; миролюбие.

3. *Уровень ниже среднего* (разделяют 30–45% опрошенных): смиренность, кротость; уступчивость; бесхитростность; ориентация на общественное мнение.

4. *Низший статус* (придерживаются менее 30% респондентов): неприязнательность; самоотвержение; нерациональность, нерасчетливость; безразличие к карьере; умение подчиняться.

Таким образом, в процессе адаптации к жестким условиям жизни у жителей российской провинции сохраняются многие нравственные ценности, прежде всего, доброе, душевное отношение к людям, которым не позволяют дойти до малодушного отчаяния, ожесточения, озлобленности. При разнообразии и сложности конструкций ценностных ориентаций нравственные ценности вполне органично вписываются в современные и постсовременные реалии.

Отношение к коллективу

Отношение к человеку как ценности предполагает такое же отношение к коллективу, к межличностным отношениям как принципу жизни, как к

нравственным ценностям. Вопрос о соотношении личного, индивидуального и коллективного – один из центральных вопросов морали. Нравственный идеал человеческих взаимоотношений не всегда связан с полной автономией личности.

1990–е г. произошла трансформация отношений к коллективу и коллективности. Основное противоречие между коллективным и индивидуальным нашло свое промежуточное разрешение в перестроечный и постперестроечный период в пользу крайнего индивидуализма («клин клином вышибают»). Сегодня эти оценки корректируются.

Приведем некоторые результаты опросов общественного мнения, выполненных не по идентичным, но имеющим вполне единообразную валидность методикам.

Так, по данным опроса 200 студентов Ульяновского педуниверситета (апрель 1995 г., руководитель Рассадина Т.А.) коллективизм являлся ценностью только для 7,5% респондентов. Этот выбор подтвердил проведенный тест. С утверждением “Своя рубашка ближе к телу” не соглашались только 9,5% опрошенных. Оценки индивидуализма как реальности современной жизни по шкале семантического дифференциала были выше значений коллективизма (коллективизм – индивидуализм; $W = +0,1$). Многочисленные опросы НИЦ “Регион” УлГУ 1995 г. в Ульяновской области устойчиво показывали эту тенденцию. О распространении индивидуализма писали Т.А. Алексеева, А.В. Кинсбургский [7;8] и другие исследователи.

За последние более десяти лет коллективизм во многом был вытеснен индивидуально–семейным выживанием, изоляционизмом. Обособление проявляется не только в абсолютизировании собственных интересов, но и в нежелании считаться с интересами других. Человеку же свойственно идентифицировать себя с группами, говорить “Мы” наряду с “Я”. Согласно Э. Дюркгейму, решение проблемы аномии, которая определенно имела место в российском обществе в 90–е г., возможно при наличии групп, способных

предложить своим участникам чувство сопричастности к общему делу и единство цели. Отказ от коллективной идентичности – один из показателей разрыва преемственности поколений, лишения потомков серьезной жизненной опоры.

В постперестроечный период отношение к коллективу вряд ли являлось критично продуманным, осознанным, что давало в поведенческом аспекте ориентации на иные крайние доминанты. В ситуации неполноты возможностей самореализации, беспредела во многих областях жизни, отсутствия реальных социальных гарантий, четких даже среднесрочных перспектив люди вынуждены обращаться к коллективности как защитной силе. Поэтому ценность индивидуалистической модели отношений в массовом сознании постепенно снижалась: по данным Б.П. Шулындина, с 30% в 1993–1994 гг. до 20–22% в 1997 г. Коллективистскую модель отношений поддерживали в 1997 до 45–47% [9].

В последние годы происходит осознание утраты органического единства, естественной солидарности в отношениях между людьми. Ностальгия по “нетехнологичным”, открытым и честным отношениям, надежда на обретение сплоченности – осознается в условиях партикуляризации и взаимоотчуждения людей, при растущей дифференциации общества. Сожаление по утрате духовного единства, подлинной нравственности, поиск этнической солидарности, потребность в преодолении кризиса идентичности стали внутренними составляющими не только старших поколений, но и молодежи.

Опрос осени 1999 г. (г. Ульяновск, выборочная совокупность 500 человек), показал состояние сознания, в котором индивидуализм как ценность был предпочтителен лишь для 2,8%; коллективизм – для 5,2% (методика суженного выбора). В то же время выражена потребность в ценности взаимопомощи между людьми (25,2%), что является важнейшим атрибутом коллективизма в традиционном его понимании. Не станем исключать, что низкие оценки обобщенных значений коллективизма обусловлены, скорее, сохранением

восприятия самого термина как советского, идеологемного. Востребовано проявление коллективизма, имеющие общечеловеческий смысл.

Мораль русского человека действенна, идеал без нравственной деятельности мертв. Объединение людей требует реального участия в судьбе другого. Взаимовыручка по-прежнему остается высоко ценимой. Глубинный показатель добрых межличностных отношений – помощь не на словах, а на деле. Самый высокий уровень развития нравственных отношений – помощь не по просьбе, а по самостоятельному, внутреннему, бескорыстному побуждению. В 2001 г. свыше 60% респондентов с разной степенью выразили уверенность в том, что возможно в случае возникновения необходимости кто-то окажет помощь и без просьбы (Ульяновск – 45,2%; Самара – 84,3%). Но уже в 2003 г. этот показатель по г. Ульяновску по сравнению с 2001 г. составил 63,5%.

По данным исследования 2001 г. в сложных ситуациях каждый второй респондент обратился бы за помощью к своим родным, каждый четвертый – к знакомым. Ориентация на друзей и знакомых у самарцев (34,8%), у ульяновцев (22,8%) – у них же меньше блокировок решения проблем только на себя, а в 2003 году идет рост ориентации в трудных ситуациях, прежде всего, на родных (свыше 70% в регионе в целом; на селе – более 80%). Расчет на помощь знакомых, друзей растет вместе с адаптированностью: 42,3 – 47% разной степени адаптантов обратились бы к ним за помощью; эту готовность обнаружили 20,6 – 26,8% слабо адаптированных и неадаптированных респондентов.

Высокая степень самодетерминированности, а также возросшее чувство собственного достоинства, понимание, что тебе в жизни никто ничего не должен, приучили за эти годы во многих ситуациях рассчитывать прежде всего на себя, что способствовало уменьшению расчета на помощь друзей и знакомых. С точки зрения ненуждающегося, без сомнения, достойная позиция. Однако необращение к друзьям, знакомым за помощью в определенной степени является показателем характера отношений, степени возможности / невозможности получения помощи

от других, о степени близости людей. Хотя большинство респондентов (в 2003 г. на селе – 73,9%, в областном центре – 63,4%) утверждают, что у них есть друзья, знакомые, о которых можно сказать: “Они мне как родные”. Эти оценки и ожидания возрастают вместе с адаптацией ульяновцев (о такой ситуации заявляют 68,6 – 78,3% адаптантов и 47,1 – 55,1% слабо адаптированных и неадаптированных респондентов).

Российский коллективизм называют мобилизационным. Он является не только высшей нравственной ценностью, но и важным фактором самосохранения. Сложность жизненных условий порождает чувство опасности, опасность сплачивает, создает предпосылки совместной созидательной работы. Этика выживания может быть рассмотрена как совокупность технических и социальных приемов, направленных на самосохранение. Люди ищут опору в обществе, в других людях, выражают готовность помочь, осознают потребность в общей идее. Человеку важно чувствовать себя с другими “в одной лодке”. Все это может обеспечить коллектив.

Мобилизационность коллектива, его защитный характер, как и в более ранних исследованиях, достаточно востребованными в 2001 г. (таблица 1), и несмотря на некоторое снижение остаются в высокой степени предпочтительными в 2003 г.

Таблица 1

Ориентация на коллектив в трудное время
(% в зависимости от места жительства)

Альтернативы	Годы					
	2001			2003		
	Ульяновск	райцентр	село	Ульяновск	райцентр	село
В трудное время важно	61,0	73,7	80,0	51,3	65,3	70,3

решать проблемы всем миром, коллективно						
Из трудного положения каждый должен выбираться самостоятельно	22,3	26,3	20,0	19,7	15,3	15,2
И то, и другое	*	*	*	26,9	18,6	12,3
Затрудняюсь ответить	16,7	0	0	2,1	0,8	2,2

Следует отметить, что с ростом адаптации респондентов наблюдается незначительный рост ориентаций на себя (с 16,8 до 21,7%) с уменьшением степени адаптированности больше проявляются коллективистские предпочтения (с 55,4 до 67,2%). На защитные свойства коллектива преимущественно ориентированы люди зрелого возраста (65,3% – 36–45–летних; 61,8% – 46–55 летних и пожилого возраста 62,1%). Среди 18–25–летней молодежи каждый второй (53,8%) полагает, что в трудное время следует решать проблемы всем миром.

В какой-то мере, коллективистические ориентации проявляются в отношении к старинной русской пословице: 76,9% участников опроса согласны с народной мудростью “Не имей сто рублей, а имей сто друзей”. Однако прагматизм, связанный с ориентацией на коллективность, представляет сложный феномен. Принципы социального обмена, который имплицитно содержится в определенных аспектах коллективности, не имеет односторонней поддержки (с суждением “покажи бревно, а я покажу тебе” согласились – 41,0%; не согласились – 34,7%; затруднились ответить – 24,3%); самоопределение между целедостижением и нравственным выбором идет сложно.

В условиях выживания в 2001 г. в сознании людей шла острейшая борьба между выбором добрых человеческих отношений и материальным благополучием: одинаковое количество – по 32,8% – жителей Ульяновска склонялись к выбору данных альтернатив, по 47,4% – жителей райцентра. 60% жителей села, а именно они были в эти годы в запредельных ситуациях отсутствия работы, хронических неплатежей, мизерных зарплат, были готовы терпеть сложные межличностные отношения ради возможности хорошо зарабатывать (таблица 2).

В 2003 г., несмотря на сложные переоценки, остается достаточно высокой (у трети опрошенных), ценность добрых человеческих отношений по сравнению с возможностями хорошего заработка. Небольшой ее рост наблюдается в Ульяновске (с 32,8% до 34,5%), у жителей села (с 40,0% до 45,7%). Несмотря на снижение этого показателя у жителей райцентров по сравнению с 2001 г. с 47,4% до 43,6%, в целом предпочтение хороших отношений в 2003 г. здесь выше ценности высокого заработка (43,6% против 31,6%); у сельчан соответственно 45,7% и 35,5%, хотя у жителей областного центра в 2003 г. преобладает готовность терпеть конфликтные отношения ради хорошего заработка (42,6%) над потребностью работать в хорошем коллективе, но с низкими зарплатами (34,5%).

В сохраняющихся непростых финансовых условиях в 2003 г. предпочтение душевного спокойствия в коллективе с прекрасными отношениями, но низкими зарплатами сложному, конфликтному коллективу с хорошими зарплатами выпукло проявляется у совершенно не адаптированных к жизни людей – у них она почти в два раза выше противоположной (54,5% против 24,2%), у адаптантов потребности уравновешены (для 41,0% более важны хорошие зарботки, для 42,2% – добрые отношения). Очевидно, что такой выбор у слабо адаптированных во многом носит защитный характер при отсутствии веры в свои возможности.

Наблюдаются значимые зависимости в этих предпочтениях и от возраста. Готовность терпеть сложные отношения во имя заработка проявляют больше других вступающие в самостоятельную, ответственную жизнь молодые люди 26–35 лет (48,3%), 18–25 лет (44,0%). Эта готовность противоположна потребностям в приоритете хороших отношений (в разрезе этих групп – 26,3% и 29,7% соответственно). С возрастом, по мере очевидной решенности основных жизненных проблем увеличивается ценность межличностных отношений по сравнению с финансовой стороной, достигая максимальных показателей у пожилых людей старше 56 лет (55,8% против 25,3%).

Русский человек связан с традиционным общинным мироощущением, потребностью в моральном оценивании, одобрении, определении соответствия своего поведения общепринятым образцам. Общественное

Таблица 2

Предпочтения респондентов в ситуации устройства на работу

(% в зависимости от места жительства)

Альтернативы	Годы	
	2001	2003

	Ульяновск	райцентр	село	Ульяновск	райцентр	село
Сложный коллектив с частыми конфликтами, но хороший заработок	32,8	47,4	60,0	42,6	31,6	35,5
Хороший коллектив с прекрасными отношениями, но зарплаты низкие	32,8	47,4	40,0	34,5	43,6	45,7
Затрудняюсь ответить	34,4	5,2	0	22,9	24,8	18,8

мнение перманентно присутствует в групповой жизнедеятельности и в любых общностях играет важную роль как фактор социализации, сплоченности, регуляции. Вместе с тем, его значимость меняется. 27,4% респондентов в 2001 г., 42,1% в 2003 г. не согласны с русской пословицей “На миру и смерть красна” (“красна” – красива – нестрашна?). Шкала семантического дифференциала

показывает, что за последние два года направленность установки смещается от преклонения перед общественным мнением в сторону безразличия к нему. Внутренние фильтры задают необходимость серьезного собственного осмысленного выбора решения, уменьшая удельный вес прямого непродуманного присвоения внешних воздействий и внешних мотивов деятельности в разных сферах.

Сегодня по-новому осознается традиционная нравственная российская ценность, – коллектив, но и учитывается позиция отдельной личности (68,5%). Традиционалистский приоритет коллектива над личностью увеличивается с возрастом (от 13,7% у 26–35–летних до 26,3% у представителей старшей возрастной группы – 56 и более лет). Очевидно, работают традиционалистские установки советского периода. Вместе с тем, следует отметить, что подавляющее большинство пожилых людей (64,2%) солидарно с преобладающим мнением более молодых поколений о важности коллектива, но сочетание учета интересов позиции о личности.

В традиционном понимании самобытно–русскому национальному характеру присущи глубина, многосторонность, энергетическая подвижность и теплота внутренней жизни, разнообразие интересов. Одновременно в систему ценностей вкрапливается неспособность и несклонность к задачам внешней организации, внешнего упорядочения жизни с соответствующим равнодушием к внешним формам.

Усложнение общественных отношений увеличило удельный вес юридической (формальной, внешней) составляющей регуляции отношений в социальной сфере. В общественной жизни этот вид регуляции становится доминирующим, а это свидетельствует, что неформальная (межличностная, внутренняя) моральная регуляция утратила свое предназначение.

Усиление влияния внутренних мотивов поведения, самодетерминированности личности в определенных ситуациях не вытесняет

внешних регуляторов активности человека, групп. Приоритет внутренних оценок неизбежно ведет к их перекосам, самообольщению. Осознание пагубной роли субъективизма в сфере общественных отношений, идущего от традиционалистских ориентиров, сделало актуальной и наипервейшей на протяжении последнего десятилетия потребность в формализации социальных отношений, в организации жизнедеятельности правовым способом, в создании правового государства, гражданского общества. Свыше 80% респондентов с разной степенью уверенности полагают, что уважение закона и порядка – это самое главное. Свыше 60% опрошенных уверены, что в общественной жизни России должен быть приоритет правовых отношений, а не межличностных. Среди них больше всего респондентов в возрасте 36–45, 18–25 лет, чья юность пришлась на конец периода “застоя” и на перестройку.

Исследование 2001 года показало, что в реальной жизни люди воспринимают, а, следовательно, и проявляют, несколько больше коллективизм, чем нежели индивидуализм. Сравнение данных по идентичным параметрам в 2003 г. позволяет заключить, что ориентации в аспекте отношения к коллективу (методика Осгуда, показатели: коллективизм-индивидуализм, взаимовыручка–отсутствие взаимовыручки, преклонение перед общественным мнением – безразличие к общественному мнению, гостеприимство – негостеприимство, открытость, откровенность – замкнутость, закрытость, уживчивость с людьми – неуживчивость, умение прощать – неумение прощать) сохраняют направленность на традиционные нравственные ценности, однако их предпочтение становится сдержаннее (в 2001 г. коэффициент направленности и интенсивности установки $W = -0,1$ (Ульяновск); $-0,6$ (райцентр); $-0,8$ (село); в 2003 г. $W = -0,1$ (Ульяновск, райцентр); $-0,2$ (село).

За 1990–е г. отношение к коллективу как традиционной нравственной ценности прошло путь трансформаций. Вслед за увеличением отстраниться от него (а, точнее, от его идеологических покрывал) наступил период

востребованности коллективизма как, прежде всего, защитной силы, когда Другие воспринимались в качестве потенциальных удовлетворителей потребностей, помощников в разрешении проблем. Далее сделан шаг в то социальное время, когда Другой открывается как такой же человек, имеющий свои проблемы, слабости, нуждающийся в защите, помощи. Такое осознание может стать предпосылкой максимально открытого движения в сторону Другого с упрочением личной ответственности.

В целом в начале третьего тысячелетия коллективизм стал восприниматься вполне осознанно; он приобретает мотивы подлинности, происходит постепенный возврат его как необходимого принципа жизнедеятельности, предполагающего объединение людей из внутренних побуждений в отличие от коммунальности, предопределенной внешним воздействием. Сохранение проявлений коллективизма и добрых человеческих отношений в стихийной общественной практике, на наш взгляд, стало одним из факторов стабилизации общественной жизни в провинции.

Таким образом, сегодняшняя структура ценностных ориентаций конструируется и проявляется в сопряжении, взаимодополнительности, нравственных качеств, в стремлении к сочетанию ценностей, обеспечивающих успешность деятельности, и сохранению традиционно ценных отношений к человеку, коллективу. Нравственная зрелость в значительной степени формируется через опыт индивидуальной и коллективной/общественной, переживание и осмысление. Эти ценности образуют реальную нравственность жителя современной провинции, которая ярко представляет российскую самобытность. Определенная устойчивость отношения россиян к базовым нравственным ценностям в начале третьего тысячелетия не может быть квалифицирована как инерция, проявлявшаяся в 1991-1993 гг. Эта структура ориентаций является не только основой общественных отношений, но удерживает от сползания в хаос, одновременно создает новый образ морали. Вместе с тем,

нравственный мир жителя российской провинции остается хрупким, его поддержанию, укреплению и развитию может способствовать благоприятная социальная среда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Трансформационные процессы в России и Восточной Европе и их отражение в массовом сознании: Материалы международного симпозиума 24–25 мая 1996 г. М., 1996.
2. Динамика ценностей населения реформируемой России / Отв. ред. Лапин Н.И., Беляева Л.А. М.: Эдиториал УРСС, 1996.
3. *Тихонова Н.Е., Давыдова Н.М.* Русский этнос: региональные особенности менталитета // Куда идет Россия? Социальная трансформация постсоветского пространства: Международный симпозиум 12–14 января 1996 г. / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: Аспект–Пресс, 1996.
4. *Парамонова С.П.* Динамика морального сознания. Пермь: Пермский гос. тех. ун-т, 1997.
5. *Горшков М.К.* Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ). М.: РОССПЭН, 2000.
6. *Аванесова Г.А., Астафьева О.Н.* Социокультурное развитие российских регионов: Механизмы самоорганизации и региональная политика. М: Изд-во РАГС, 2001.
7. *Алексеева Т.А.* Демократия как идея и процесс // Вопросы философии. 1996. № 6.
8. Динамика социальной структуры и трансформация общественного сознания (материалы “круглого стола”) // Социологические исследования. 1998. № 12.
9. *Шульдин Б.П.* Российский менталитет в сценариях перемен // Социологические исследования. 1999. № 12.